

Х И В

1. IX. 1944

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 33

1 сентября 1944 года

№ 33

СОДЕРЖАНИЕ:

Приказ казачьим Войскам

★

Последняя беседа старого казака с молодыми

★

Исторические очерки Дона

(продолжение) — П. Н. Краснов

★

Донский Казачий Архив в Праге

★

Мы куем кадры (продолжение)

В. Никонов

★

Азовские казаки — исторический очерк

★

Андрон Пылаев (окончание) —

А. Яганов

★

Богатырская сказка-быль —

Ес. В. Поночевный

Перед походом

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F. P. Nr. 02306

Приказ казачьим войскам

20 АВГУСТА 1944 г.

№ 10

БЕРЛИН

12 сего августа Генералом Добровольческих войск получена следующая телеграмма:

«Начальнику Главного Управления Казачьих войск Генералу Краснову.

«Фюрер и Главкомандующий Армией поручил мне передать Вам Его сердечную благодарность за Ваши пожелания счастья по поводу неудавшегося покушения».

«Подписал: полковник Шухардт».

Начальник Главного Управления Казачьих Войск генерал от кавалерии Краснов

Исторические очерки Дона

Часть вторая

Продолжение*)

XLIII.

Персидская и турецкая войны 1826—1829 годов. Усмирение польского мятежа 1831 года. Венгерский поход 1849 года. Война с Турцией и ее союзниками 1853/55 годов. Причины войны. Участие в ней Англии и Франции. Война в Закавказьи. Дело под Баяндуром 2 ноября 1853 года. Подвиг есаула Кульгачева. Взятие Карса. Разгром турецкого флота у Синопа. Выступление Англии. Поголовное ополчение Донского войска.

В царствование Николая I Россия вела войны: с Персией и Турцией в 1826—1829 годах; усмирять польское восстание в 1831 году; продолжала начатое в 1801 году завоевание Кавказа; ходила в поход в Венгрию на помощь австрийскому Императору Францу Иосифу в 1849 году; вела войну с Турцией, а потом и с ее союзниками англичанами, французами и сардинцами в 1853—1855 годах (Севастопольская кампания).

Во всех этих войнах Донские казаки принимали деятельное участие, посылая для военных действий свои конные полки и батареи.

В турецкую войну 1828 года особенно отличились под Силистрией — Донской казачий № 2 Тацйна-полк на Дунае, и на Кавказе при обороне крепости Баязета Донской казачий № 12 полк Шамшева.

За эту войну Донскому войску было пожаловано белое Георгиевское знамя с надписью: «Верноподданному войску Донскому за оказанные заслуги в продолжение кампании противу персиян в 1826, 1827 и 1828 годах и противу турок в 1828 и 1829 годах.»

Полки Сергеева, Карпова, Леонова и Басова получили знамена за Персидскую и Турецкую войны и полки Бегидова, Рыковского, Ильина, Платова 2-го, Бакланова, Золотарева 4-го, Борисова и Чернышева 2-го за Турецкую войну.

О Польше, о жизни в ней и о времени усмирения польского мятежа, где так отличился старик, походный атаман, генерал-лейтенант Власов осталась у казаков красивая по напеву песня. Пришла она, как будто, из Каменской станицы, где пели ее с запевком запевалы, который так начинал:

— Нам сказали про Польшу, —

скажет это говорком, скороговоркой и потом точно оборвет: что... Богатая!

и разом примет весь хор стройно и торжественно и над ним зазвонит тонкий и сильный дрожащий подголосок, будто то скрипка идет с хором и живописует то, что было в Польше:

— А мы разузнали — голь проклятая.

У этой у Польше — корчемка стоит,

Корчма польская, королевская.

У этой корчемки три молодца пьют,

*) См. №№ 17—32 «На Казачьем Посту».

КАЗАКИ! Внимание к нашему общему искреннему и сердечному пожеланию счастья Фюреру — заставляют нас всех стать заедино, слиться в одну крепкую, ничем несокрушимую стену казачьей семьи. В борьбе с большевизмом за Новую Европу и казачьи войска наши, проявим до конца служебное рвение, дисциплину, храбрость, мужество, доблесть и веру в Бога и нашего Вождя!

Прусак, да поляк, да млад донской казак.
Прусак водку пьет — монеты кладет,
Поляк водку пьет — червонцы кладет,
Казак водку пьет — да ничего не кладет.
Он по корчме ходит, шпорами гремит,
Шпорами гремит — шинкарку манит:
— «Шинкарочка душечка, поедем со мной,
Поедем со мной, к нам, на Тихий Дон,
У нас, на Дону, да не по вашему:
Не ткнут, не прядут, не сеют, не жнут,
Не сеют, не жнут, да чисто ходят...
Соглашалась шинкарка, да на его слова,
Садилась шинкарка да на доброго коня...
Поехал казак с ней, да во темный лес,
Во темный во Польский тот лес...»

В Венгерский поход ходили полки №№ 1, 2, 22, 41, 43, 45, 46 и 48 и донская конно-артиллерийская батарея № 6. Поход продолжался недолго. При приближении Русских войск мятежники положили оружие и сдались. Войску Донскому было пожаловано белое Георгиевское знамя с надписью: «За подвиги войска Донского в походе на усмирении Венгрии и Трансильвании в 1849 году...»

Турецкая война 1853/55 годов началась по просям англичан и французов.

Англия завидовала успехам России на Кавказе и в Сибири, где пределы Российской империи подошли к Великому океану. Во Франции молодой Император Наполеон III был обижен на Императора Николая I за то, что, когда Наполеон 2 декабря 1852 года провозгласил себя Императором, Николай I отказал в обычном обращении одной коронованной особы к другой назвать Наполеона «братом». Пустой этот повод повлек к тому, что сначала англичане и французы побудили Турцию начать войну с Россией, а потом и сами вступили в эту войну, чтобы помочь разбитой Турции.

Причины войны были глубже.

Турция принадлежала «святая земля» — Палестина, места, где провел свою земную жизнь Спаситель мира Иисус Христос, где Он проповедывал свое учение, где Он принял мученическую смерть на Кресте. Здесь различными христианскими народами, в том числе и русским было построено много храмов и монастырей. Голгофа — место страданий Христа, его временная могила — «гроб Господень», место его воскресения, наконец, сам святой «град Иерусалим» — были предметами пламенного почитания христиан. Сюда из России ежегодно шли тысячи путников — «паломников» — поклониться Гробу Господню, помолиться на местах, где жил и учил Спаситель.

При Екатерине Великой, в 1774 году по Кучук-Канарджийскому миру все христиане турецкие подданные, независимо от их вероисповедания — православные, католики, лютеране

и другие, славяне и не славяне, а с ними и все паломники ко святым местам были поставлены под покровительство России.

По наущению Англии Турция начала притеснять своих подданных славян и чинить препятствия к посещению Святой Земли и преследовать паломников.

Император Николай I счел своим долгом вступить за христиан.

Подстрекаемая Англией Турция объявила войну России. Боевые действия начались в Европейской Турции, на Дунае, и в Закавказье. На Дунай и на Кавказ осенью 1853 года потянулись в знакомый поход Донские казачьи полки и батареи.

Манифест о начале военных действий еще не был объявлен, шли какие то переговоры, когда в 14 верстах от нашей кавказской границы, на высотах между Суботанью и Огулами забелели палатки 40 тысячного отряда Абди-паши. Турецкая конница, знаменитые ее головорезы — башни-бузуки, подошли к Русской крепости Александрополю и, рассыпавшись по Долине реки Арпачая, начали грабить находящиеся за Русским рубежом армянские селения.

Начальник Александропольского гарнизона князь Бебутов решил занять селение Баяндур, около которого собрались башни-бузуки.

2 ноября из Александрополя выступил отряд князя Орбелиани в составе 7 батальонов пехоты, двух дивизионов Нижегородского драгунского полка, двух пеших батарей и одной донской казачьей конной батареи есаула Кульгачева.

Войны еще не было. Князь Орбелиани вел отряд без мер охранения и разведки. Когда он подходил к Баяндурам залп сорокаорудийной батареи встретил походные колонны отряда. Войска остановились, в полном недоумении. Атаковать сорока тысячную турецкую армию столь малыми силами было невозможно. Отступать в первом бою — не в обычае Русских Кавказских войск.

Шестнадцать русских орудий выехали на позицию.

— Умирать, братцы, все равно, что от ядра, что от пули. — говорили старые солдаты молодым.

Пехота стойко держалась под турецким артиллерийским огнем. В батальон Куринского пехотного полка вызвали даже песельников.

Турки участили огонь. Потери в пехоте были велики, но она не отступала ни на шаг.

Наступили зимние сумерки. Турки, несмотря на то, что они в десять раз превосходили отряд князя Орбелиани не посмели спуститься с гор. Только пестрые толпы их конницы, обскакав правый фланг, понеслись к обозу. Там находилось татарское ополчение князя Мамуки и сотня донских казаков. Татары с дикими воплями обратились в бегство. Атаку нескольких тысяч башни-бузуков приняла одна донская сотня. Казаки гибли под ударами турецких пик и ятаганов (сабель). Вдруг в самую кипень боя, в обоз карьером влетела донская батарея есаула Кульгачева. В мгновение ока пушки были скинуты с передков и завизжала картечь. Орудия Кульгачева стояли и стреляли в самых толпах башни-бузуков, поражая в упор, обжигая огнем выстрелов. За донскими пушками прискакали пикинерные эскадроны Нижегородского драгунского полка. Башни-бузуки, понеся большие потери, обратились в бегство.

Наступила холодная ноябрьская ночь. Вдруг в полной темноте, сзади Русских войск, раздался бой барабанов. Князь Бебутов вел из Александрополя свои последние силы — три батальона пехоты, шесть эскадронов драгун и девять сотен казаков с батареями.

Абди-паша отошел за реку Арпачай. Князь Бебутов занял селение Баяндур. Отряд Орбелиани потерял в этом деле около 800 человек пехоты, но показал туркам, что Русские Кавказские войска не знают, что такое отступление.

6 ноября был объявлен манифест о начале войны с турками.

Делами у Баяндур 2 ноября и Баш-Кадык-Лара 19 ноября началась война в Закавказье. И в том и в другом неуязвимой славой покрыла себя Донская казачья батарея есаула Кульгачева, связавшая свое имя со славнейшим полком Русской конницы — Нижегородским драгунским.

Война на Кавказе шла с большими успехами для Русских войск. В ноябре Русские по обледенелым кручам пошли приступом на горную твердыню Карс. Первым приступом были взяты несколько передовых укреплений, овладеть крепостью не удалось. Русские войска потеряли в ночном штурме 8000 человек, но ворваться в крепость не смогли. Но турки были так потрясены этим штурмом, что спустя некоторое время, 19 ноября 1855 года, Карс сдался.

В самом начале войны, 18 ноября 1853 года, Русский парусный флот в Синопской бухте захватил турецкие корабли и уничтожил их.

К началу 1854 года положение Турции стало тяжелым. Она потребовала помощи от своих союзников и подстрекателей.

Англия и Франция, а за ними Сардинское королевство объявили войну России.

Англия была морская держава. У нее был паревой флот, Россия такового не имела. Береговая граница России тянется на десятки тысяч верст. От финляндских берегов, Ботнического и Финского заливов и Балтийского побережья, по Черному и Азовскому морям, по берегам Великого океана у устьев Амура и у Камчатки, на Северном Ледовитом океане и Белым морем — везде Россия могла опасаться высадки англичан. И нигде, кроме укреплений Кронштадта и начатых укреплений Севастополя у России не было настоящих морских крепостей. Везде потребовалось наблюдение за морями, а в случае попытки к высадке и смелый отпор.

По повелению Императора Николая I все войско Донское, как то было в 1812 году, все поголовно, было поднято для охраны береговой границы. 87 полков и 14 конно-артиллерийских батарей, а всего 82.000 казаков пошло из войска для защиты России от англичан.

XLIV

Оборона Таганрога. Защита Мариуполя. На береговых постах у Таганрога. Дело у Кривой Косы 12 июля 1855-го года. Взятие с боя английского парохода «Джаспер»

От устья Дона, у Азова, и вдоль берега Азовского моря до Таганрога стоят посты полков № 62 подполковника Зарубина 2-го и № 66 подполковника Кострюкова. В Таганроге стоит полк № 68 подполковника Краснянского — это оборонительная Таганрогская линия генерал лейтенанта Краснова.

Наступила весна 1855 года и с нею в Таганрогском округе начались обычные полевые работы. Все было тихо на Азовском море, синем, безмятежном и красивом в весенние теплые дни.

14 мая в Таганроге стало известно, что неприятельские военные пароходы ворвались на рейд города Керчи, там была произведена высадка, город Керчь разрушен и английский флот вошел в Азовское море. Каждый день можно было ожидать, что то же случится с Таганрогом.

В городе находился начальник оборонительной линии генерал лейтенант Краснов и у него было 300 солдат гарнизонного полубатальона — большинство стариков, 20 жандармов и 2 сотни полка Краснянского. Из Таганрога вывели «присутственные места» — городское управление, суд, тюрьму и пр., отправили в безопасное место женский институт. Из жителей составили небольшую команду охотников. Из Новочеркасска была затребована подмога.

19-го мая в Таганрог прибыл прекрасный шестисотенный Учебный полк, составленный из казаков, готовившихся на должности урядников.

В воскресенье, 22-го мая, только что отблагостили к обеду и генерал Краснов с губернатором Толстым проехали в собор, когда с постов дали знать, что на море — «все черно от дыма: — английский флот плывет к Таганрогу».

Восемнадцать английских вооруженных пароходов с посаженными на них для высадки войсками, 50 мелких судов и плавучих батарей приближались к городу. Суда окружили город дугою. От них отделилась лодка под белым флагом.

Обедня в соборе приходила к концу, когда Краснову доложили, что английский адмирал — «требует удалить из города войска; он войдет в город, уничтожит казенные здания и склады. Жителям же не будет сделано ни малейшего вреда. Ответа адмирал будет ожидать полтора часа».

— Хорошо! Пусть ожидает, — ответил Краснов.

Он и все присутствующие отстояли до конца обедню, потом был молебен о даровании победы. После молебна к парламентарам — переговорщикам, — вышел генерал Краснов.

— Передай адмиралу, — сказал он, — военная честь запрещает войскам оставить город, вверенный их охранению. Войска готовы умереть за своего Государя. Выходите на берег. Оружие решит, кому владеть Таганрогом.

— Как угодно, — сказал переговорщик и поплыл на адмиральский корабль.

Как только лодка причалила к кораблю, все суда окутались белым пороховым дымом. Ядра и «чиньки» — гранаты — полетели в город. Под прикрытием бомбардировки пятьдесят лодок с войсками поплыли к берегу. Они направлялись к бирже. Подойдя к берегу на несколько сажень, лодки выстроились в линию и с них был открыт по войскам, собранным у биржи огонь из маленьких пушек и ружей. У англичан были дальнобойные нарезные ружья — «штуцера». У Русских солдат и казаков были гладкоствольные кремневые ружья. Пришлось укрыться за здания и ожидать, когда англичане ближе подойдут к берегу.

Ядра и «бранд кугели» — зажигательные снаряды — попадали в город и в нем начались пожары. Городская пожар-

вая команда и жители успешно боролись с огнем. Тушили здания везде, куда только могли поспеть. Бомбардировка продолжалась шесть часов. Наконец, под покровом порохового дыма англичане высадили около трехсот солдат и повели атаку на крутую гору у церкви святого Константина. Ближайшая к этому месту рота гарнизонного полубатальона отставного подполковника Македонского разсыпалась в цепь и открыла по англичанам беглый огонь, а потом с криком ура атаковала и сбросила их к лодкам. К месту боя прискакал учебный полк.

Первый приступ был отбит. До темноты англичане продолжали бомбардировать город. Ночью на кораблях засветились огни. Английский флот ушел в море.

Таганрог сильно пострадал от бомбардировки. Много мирных жителей, женщин, детей и стариков было убито. Сгорело 19 домов и 77 магазинов.

Англичане пошли к Мариуполю. Там находился донской полковник Кострюков с 4-мя сотнями № 66 казачьего полка. Англичане послали к нему переговорщика с предложением сдать город.

Кострюков ответил: —

— Выходите и попробуйте взять город силой!

С судов обстреляли Мариуполь из пушек. Лодки с пушками и английскими стрелками вошли в устье реки Кальмиуса. Кострюков прискакал туда с двумя сотнями, спешил казаков и обстрелял лодки. Англичане повернули в море. К ночи неприятельские пароходы задымили и ушли.

После бомбардировки Таганрога учебный полк был отозван в Новочеркасск. Вместо него были присланы 800 матросов и донские казачьи полки № 74 подполковника Лебонова, № 76 полковника Кушнарёва и № 70 полковника Демьянова.

Эти полки состояли из малолетков. Только урядники были старше, помнившие заграничные походы и Наполеоновские войны, все больше шестидесяти и семидесятилетние старики.

Что могли знать и понимать юные казаки, пришедшие из глухих степных станиц и хуторов на берега Азовского моря о том, что происходит? Не даже грамотны они были, да и газет, осведомительных листков, толкований, происходящих событий тогда не было.

Соберет на морском сторожевом посту седобородый урядник свою молодежь и поведет беседу с казаками: —

— Почему война то?... С чего она?... Кому западобилась? Все она — англичанка гадит! Она — да вот ишло хрянцуз. Ну только не то... Погляжу на их действия — нет, не то, как при нас было. Встал ныне на Русскую царству, племянник того самого Бонапарта, про кого вам деда все уши прожужжали. Старый, тот-то первый был на свете воцетель... Без промашки воевал, Завоевал все царства-государства в Европе и пошел на самоё Москву... Вот он куда отчался! Ну только крепко тот орех ему пришелся — не по зубам... Все деда наши, как есть до последнего поднялись с Дона, побегли на конях к Москве и погнали того Бонапарта, выгнали из Москвы, проводили и почивать уложили все его двенадцать языков в снегах Российских на веки вечные. Ныне племянник его, только нарекся царствовать во французской земле и чего же надумал? На наш, на Тихий Дон напасть! На нашу самую казачью землю. Похваляется, тихий Дон отнять от нас! Да рази-же мы то допустим так посмеяться над нами? С-какими глазами, только подумай, явимся мы на тот свет, к старикам нашим... Как покажемся перед батюшкой Матвеем Ивановичем Платовым? Перед старинным воителем Ермаком Тимофеевичем? Перед Азовскими сидельцами? Нет братцы, да мы уже лучше умрем все до единого, а не посраим родной земли нашей.

— Мирон Митрофанович, — несмело отзовется молодой голос: — так ить то сказывают — англичане. Так и на Дону гутарили.

— Ну-к что?.. Англичане.. Мундир красный надел и думает — хар-рошш! В Таганроге наша гарнизона пузатая его прогнала. Сказывают так бег!.. Портки сымал так бег!.. Ей Богу смешно было и глядеть...

— Дым! дым! — раздался от очередного казака, стоявшего под соломенной вехой тревожный крик. — Мирон Митрофанович, запаливать что ли? веху — то?

— А ты погодь, маненько, не лотсишись. Дай я и сам погляжу чего там есть? Могёт быть и примерещилось чего...

С 6-го июля, в продолжение двух с половиною недель англичане ежедневно обстреливали с судов Таганрог, каждый день к городу подходили два, три парохода и бросали от 20 до 100 ядер.

9 июля, во время всеобщей, одно из ядер, весом более двух пудов, ударило в алтарь церкви Успения Божией Матери, обрушило штукатурку, которою ушибло и засыпало протонеря Иоанна Себова. Священник Василий Шарков,

совершавший богослужение, велел диакону Моисею Егорову произнести коленипреклонную молитву об избавлении от нашествия врагов. Никто из бывших в церкви не вышел. Слышались только вздохи и тихий плач Таганрогских женщин.

12 июля на Азовском море поднялась буря. Сильное волнение заставило английские корабли отойти от города и уйти в море, на более глубокое место.

С постов Донского № 70 казачьего полка увидели, что близ Кривой Косы один английский пароход сел на мель.

Туда был послан подполковник Божковский с несколькими сотнями и двумя орудиями Донской № 2 батареи сотника Краснова. Казаки спешились и пошли по морю, пока вода не дошла им по грудь. Они открыли по пароходу ружейный огонь. Матросы отвечали им из пушек и ружей. Небывалое, со времен боев под Азовом, завязалось в воде сражение. В море пешие дрались казаки. На помощь англичанам спешил большой 18-ти пушечный корабль. Со всех сторон к месту боя с постов скакали казаки. Стрелковый бой продолжался от утренней зари до шести часов вечера. Донская батарея обстреливала пароход. Вдруг на пароходе метнулось пламя и стихли выстрелы. Казаки полка и батареи кинулись в плавь к пароходу, взобрались на него и потушили пожар. Англичане покинули пароход. Это оказался пароход «Джаспер», длиною 45 сажений. На нем все было найдено в порядке: — флаг, судовые книги (шканечный журнал), незаклепаные пушки. Две пушки были сняты с парохода — они потом отояли в Новочеркасске, у входа в Донской музей.

Вскоре англичане перестали тревожить казаков на Азовском море. Все их внимание было обращено на Севастополь, где шли последние решительные бои.

XLV

Высадка английских и французских войск у Евпатории 2 сентября 1854 года. Сражение у Альмы 8 сентября. Осада Севастополя. Перекопской станицы казак Зубов и матрос Кошка на третьем бастионе. Вылазки к неприятелю. Взятие союзниками Малахова кургана. Русские оставляют Севастополь. Парижский мир.

Крепость Севастополь к началу войны с турками не была закончена. В ту пору не было железных дорог на юг России, а степные шляхи были большую часть года непроездны, то из-за грязи и распутицы, то из-за снежных заносов. Дон и Крым были далекой и глухой окраиной Российского государства. Трудно было продвигать на Крымский полуостров войска со всеми их тягестями и снабжать их снарядами и припасами. Гарнизон Севастополя был невелик. В Крыму вообще было мало войска.

1 сентября английские и французские пароходы с большим числом посаженных на них войск подошли к маленькой деревне Евпатории, в 90 верстах от Севастополя и произвели там высадку. К 6-му сентября на Крымском полуострове было 30.000 французов с 68 орудиями, 22.000 англичан с 54 орудиями и 7.000 турок с 12 орудиями. Русская армия в Крыму имела всегда лишь 35.000 при 84 орудиях. Она решила дать сражение союзным войскам.

8 сентября, у берегов маленькой горной речки Альмы, произошло тяжелое и кровопролитное сражение. Лучше вооруженные и лучше снабженные союзные войска принудили Русских к отходу в Севастополь.

Вечером того-же дня союзники были у Севастополя. Русский парусный флот не мог вступить в борьбу с паровым флотом союзников. Было приказано снять матросов и пушки кораблей и поставить их на вооружение крепости, а сами корабли затопить в узком проходе в Севастопольскую бухту, чтобы тем помешать союзным пароходам проникновению внутрь Севастопольского залива.

В Севастополе шли спешные работы по его укреплению. В кремнистой почве рыли окопы, строили редуты и «бастионы», воздвигали батареи, вооружали их пушками, снятыми с кораблей. Все до последнего человека были на этих работах. Севастополь опоясался поясом крепких бастионов, из них особое значение имели укрепления высокого Малахова кургана, владевшего Севастополем.

14 сентября союзники окружили крепость и началась правильная осада.

С 5 октября союзники начали осыпать город тяжелыми ядрами и гранатами. Наши наскоро устроенные батареи им отвечали. Дневные бомбардировки, уносящие сотни людей убитыми и ранеными сменялись ночными кровопролитными штурмами. Земляные валы устилались телами убитых; раненых не успевали свозить. Так потянулась теплая Крымская зима.

Донские казаки в обороне Севастополя не участвовали. В Крымской армии находился только один Донской каза-

чий № 67 Маркова полк. После сражения при Альме полк перешел в крепость, где нес посыльную службу. Из него назначались вестовые к офицерам и конвой к транспортам. В этом полку служил Перекопской станицы войска Донского казак Осип Иванович Зубов. Ему было 55 лет. Он пошел на войну охотником. Несмотря на свои немолодые годы Зубов был силен, ловок, всегда бодр и по казачьи отчаянно храбр. В Севастополе Зубов отпросился у командира полка на бастионы, где служба была лицом к лицу со смертью. Его назначили к матросам, на третий бастион, к контр-адмиралу Панфилову. Тут сдружился он со знаменитым на весь Севастополь бесшабашно храбрым матросом Кошкой.

Глубоко верующий, сознательно пошедший на подвиг служения на бастионе, на опасном посту, Зубов так рассказывал о времени своей службы на бастионе: —

— Как хорошо мне было, когда служил я, так сказать, на пороге смерти. Ни одного греха, ни одной дурной мысли мне никогда и в голову не приходило. Была у нас выкопана в земле между орудиями общая с матросами каморка малая, досками обложенная, там поставил я Донскую икону. Затем я ночью лампадку перед нею, стану псалмы пророка Давида читать. Ну чисто я и не казак донской, а монах или отшельник какой. За рогожным пологом молоньей огни блещут: — его пушки палат. Ядра летят. Матрос на часах стоит кричит: — «ядро!... чинёнка... и все притаются. Крикнут «бомба», гулом хватит разрыв, осколки шипят и шелестят кругом. Все прикинут к земле. Пронеси, мол, мимо... И не дышит. Кого из друзей моих, товарищей боевых, глянь, уже и на носилки кладут.. убитых... Подойду к ним, перекрещусь и скажу: — «Господи, если и мне судил погибнуть вместе с ними, не погуби мою грешную душу»... Вот так и молился я ночью перед иконою, а в каморку ядро влетело и убило двух матросов, спавших подле, а меня только землею засыпало.

24 ноября 1854 года Зубов с матросами Кошкой, Кузьменко и Болотниковым, с несколькими пехотными солдатами при

офицера пошли в вылазку, на Зеленую гору, на английскую батарею. Ночь была светлая. Лунная.

— Вот сползли мы, с нашего бастиона, — рассказывал Зубов, — и тихо, тихо пошли, крадучись пошли, к неприятелю. Я иду и про себя читаю: — «Живый в помощи Вышнего, в крове Бога небесного водворится» а потом еще: — «Возлюблю Тя, Господи, крепость моя» — читаю и нет во мне ни страха, ни трепета. Ноги сами меня несут...

Отряд подкрался к батарее и с криком ура! бросился на англичан. Многих покололи штыками, шестерых забрали в плен и увезли два орудия. Офицер, водивший поиск, представил Зубова адмиралу Панфилову и сказал: —

— Этот казак достоин первого креста.

После этой вылазки Зубов и Кошка назначались начальниками передовых цепей.

В ночь под 5-е декабря Зубов и Кошка повели полтораста солдат на ту-же батарею, на Зеленой горе. Опять была такая же светлая и тихая, как и в первую вылазку ночь: Звезды мигали в темном небе, Осторожно, цепью, подползли к батарее. Чуть стал виден часовой, закутавшийся в плащ.

— Ура!

Все кинулись на насыпь. Зубов первый вскочил на батарею. Его сильно ударило в левый висок. Не обращая внимания на боль Зубов ворвался в толпу сбежавшихся англичан и давай колотить их ружейным прикладом. Те побежали. Зубов с солдатами за ними. Тут увидел Зубов, что по траншее бежит английский офицер в густых эполетах. Зубов нагнал его и ударил прикладом. Тот обернулся и взмахнул палашом. Старый казак не растерялся и подставил ружье. Палаш звякнул о ствол и переломился на двое. Зубов хватил еще раз англичанина прикладом, схватил его за волосы и потащил из траншеи. Вытащил и погнался за своими, уже уходившими с батареи. Собравшиеся англичане открыли по вылазке сильный огонь. Англичанин сам побежал к Русскому отряду и кричал Зубову:—

П. Краснов.

(Продолжение следует.)

Шестая лейб-гвардии Донская казачья Е. И. В. Наследника Цесаревича батарея на передовой боевой позиции, с 12 февраля по 25 августа 1878 года, у Чифлика Ай Мама

Из Донского Казачьего Архива в Праге

Беседы старого казака с молодыми

Беседа тринадцатая и последняя Сторожовка

На войне отдых, хороший сон, правильная, во время, еда — создают у казаков и солдат то хорошее настроение, ту бодрость, которая неизменно ведет к победе. Чтобы иметь все это, необходимо, чтобы часть, стоящая на отдыхе, расположившаяся на почлег была хорошо и надежно охраняема. Держать полки целыми сутками под ружьем, или стоять казачьим дивизиям в резервных колоннах, сутками же, не расседывая лошадей, как то бывало иногда в войну 1914—1918 годов только потому, что «кто-то» может напасть; «что-то» может случиться — это еще до боя изматывать части, делать их способными поддаться панике.

Паника — это такое нервное состояние не только отдельных людей, но целых подразделений; больших отрядов, которое делает их доверчивыми каждому слуху, дурацкой болтовне труса, провокатора, изменника, вселяющего в солдатские сердца чувство страха.

Известно — «у страха глаза велики». Страх — «из мухи слона делает»... Прощумит далекая мотоциклетка, наша или «его», кто знает; ктонибудь во сне вспомнит свою милую Таню и пробормочет ее имя, — и вот уже померещились танки и сорвался отряд с места. Без удержки бросился назад. Останови его тогда!...

Даже лучшие войска могут поддаваться панике. Особенно, если они устали, голодны, потрясены тяжелыми, с большими потерями, боями.

Паника — самое ужасное на войне. Предотвратить ее, уберечь от нее отдельных людей и целые части могут: хорошо поставленная разведка, связь с нею и сторожевое охранение.

Если казак знает, что его начальник обо всем хорошо осведомлен своими «ушами и глазами»; что он надежно охраняется сторожевыми частями — он не всякому слуху поверит.

— Да брешут же, — скажет он, — ишь, ровно собаки брешут. Ить разъезды наши чего ни на есть донесли-бы?... И на заставах тихо. Чего же брехать неподобное?...

Пусть впереди, там, где заставы двоят чужие и трещат наши выстрелы; пусть прострочит там пулемет; раскатисто взорвется танк; ударит пушка — скажет казак:

— Ить это все на сторожовке. Нас не касаемо. Нам скажут, когда действовать.

Это доверие к своим вперед высланным частям, доверие к начальнику создает такое настроение, что казак чувствует себя на войне, как «у Христа за пазухой»...

Когда надо будет, его без тревоги и суеты разбудят и скажут, куда идти и что нужно делать.

Сторожевое охранение состоит из застав, полевых караулов, дозоров и у нас, казаков, изстаривелось закладывать еще впереди на опасных местах — секреты.

Все подступы к почлегу, все дороги, ведущие к нему заираются заставами.

Заставы могут быть наблюдательные и оборонительные. На больших дорогах, на путях, по кото-

рым можно ожидать движение значительных сил неприятеля, выставляются — оборонительные заставы.

Сотня (рота, эскадрон) выставляет — три, четыре заставы. Одна из них, называемая **главной**, ставится позади сторожевой линии и служит подмогой — резервом.

Враг не всегда пойдет по дорогам. При теперешней высокой технике машин, он будет пытаться прорвать завесу нашего сторожевого охранения, минуя дороги, идя укрытыми, глухими местами. Вот тут то и ставятся наблюдательные заставы, а между заставами располагают **полевые караулы**. От застав и полевых караулов вперед и к соседним заставам посылаются от поры до времени **дозоры** из двух человек. А там, где, удобно подкрасться, кладутся **секреты**. Так создается цепь сторожевого охранения.

В заставе обычно — взвод. Она выставляет один-два полевых караула по два звена. От силы заставы зависит число полевых караулов. В зависимости от местности, напористости и близости врага заставы ставятся в большем или меньшем расстоянии друг от друга; обыкновенно от одного до двух километров застрада от застрада. Крыловые (фланговые) заставы связываются с заставами соседней части — дозорами.

Вся сеть застав, полевых караулов связывается между собою и с ночующей частью телефонной или радио-связью; устанавливается еще сигнализация флагами, фонарями, ракетами и иными световыми сигналами. Однако злоупотреблять этим не следует. Они выдают места застав неприятелю; лучше же, чтобы неприятель и не подозревал, где стоит наше охранение.

Заставы и полевые караулы ставят вперед **часового** и при нем **подчаска**.

• Те спокойные и дремотные времена далеких войн прошлых веков, когда часовой столбом стоял посередине дороги, а подчасок располагался позади него, стоя на одном колене или сидя, когда всякого идущего или едущего он издали окликал громовым голосом:

— Стой! Кто идет? Что пропуск? прошли. Теперь часовой и подчасок становятся так, чтобы их не было видно, а чтобы они все видели. Если нет подходящего укрытия — его нужно создать. Нужно «маскировать» часового, чтобы со стороны неприятеля и с самолета его нельзя было увидеть. Днем часовой стоит на верху холма или горы, откуда шире кругозор, ночью же спускается под гору, потому что ночью сверху вниз хуже видно чем снизу вверх — на гору, в небо.

• Зря часовой никого не окликает. Если он видит и знает, кто идет — свой дозор; люди из секрета; посыльный из разъезда, — он пропускает их, не спрашивая. Если идет небольшая группа чужих людей — он дает знать на застраву, а сам хоронится от них. Застава неожиданно окружает и схватывает идущих. Если это неприятель — она обезоруживает его и забирает в плен, отправляя на главную застраву. Если это мирные жители начальник застравы спрашивает их и при малейшем по-

дозрени под конвоем отправляет на главную заставу к командиру сотни (роты, эскадрона).

Теперь, когда существуют броневые машины, быстроходные танки, когда за ними могут мчаться со скоростью сорока километров в час авто-машины с посаженной на них пехотой, что может сделать застава из 20—30 казаков?... Как остановит она их... Как успеет дать знать на бивак?...

Нужно и это предвидеть. На каждой заставе должно быть противотанковое орудие и бронбойные винтовки. Дорога преграждается глубокими ямами, маскированными жердяными или соломенными щитами, покрытыми землею и пылью. Если есть возможность то и минирована. Если в лесу — должны быть устроены древесные заграждения.

— Это невозможно, — говорите вы мне. — Сколько труда для этого нужно.

— Э! Милые мои! На войне все возможно. Там, где человек готов отдать самую жизнь свою — там нет ничего невозможного. Поработать, попотеть придется не мало, но помните, — на войне: — больше пота — меньше крови... Чем лучше оборонимся — тем меньше будем иметь потерь.

— Вы говорите, — для современного танка такие ямы и древесные завалы ничто. Не совсем так. Танк накренился, .. Танк хотя на миг приостановился. Заранее наведенное на такое препятствие орудие бьет по нему. Бронбойные пули виваются в него. Застава частым огнем автоматов, винтовок бьет по нему; поползли люди с ручными гранатами. Если стрельба меткая — неприятель и очухаться не успеет, как тридцать человек сняты с машин, еще миг — еще тридцать и пошла война по настоящему... по казачьи.

Гул взрыва взорванного танка, бешеная стрельба орудия, пулеметов и винтовок, еще до прихода донесения, скажут начальнику главной заставы и начальнику отряда, что происходит. Главная застава поспешит на помощь со своим противотанковым орудием. Соединение заставы поспешит на помощь — враг задержан. Отряд изготовился к бою.

— Скажите, у кого теперь будет паника?... У внезапно нарвавшегося на нашу заставу противника, или у нас, спокойно встретивших его на заставах сторожевого охранения и в готовом для боя отряде?

— Конечно — у неприятеля.

Правильно... У неприятеля... Даже если бы части его танков удалось обходом прорвать наше сторожевое охранение — они будут встречены готовым для боя отрядом. Пусть идут дальше. Пусть будут они за нами. Не мы, но они в окружении, как только выйдет у них запас бензина и снарядов — это будет только железный хлам и несколько ошалелых людей, способных лишь на сдачу в плен.

Для хорошо охраняемой части, с правильно поставленной разведкой, имеющей связь с соседями — не безпечной, не ленивой, не пьяной и не робкой — никакие прорывы, никакие «внезапные» нападения не страшны.

Для них внезапного — нет. Разъезды и связь их предупредили. Секреты сказали, где и сколько чего идет. Дозоры открыли. Заставы принудили развернуться...

На охране железнодорожного пути от партизан

— Обошли?... Ничуть не бывало... «Кто обходит — тот сам обойден»... Он зашел во фланг, но он сам подставил свой фланг — бей в него — он погиб...

Танки и войска прорвали... Они в тылу. Мы окружены... Не говорите вздора — там — наши резервы; они примут прорвавшего. Окружены не мы, но прорвавший нас неприятель. Только бой примет другое направление, переменится фронт.

Кто из вас был в апрельских боях этого года на реке Барышка между селениями Млынка и Суянка — тот знает, что случилось с 989 советским стрелковым полком и его командиром капитаном Цехмистро, прорвавшим наш фронт у Каменец-Подольска... Пленные красноармейцы считали, что против них действует целая казачья дивизия — а казаков была самая малая горсть, но какая смелая...

У кого-же «глаза были велики»?... Кто «из мухи делал слона»?... У красноармейцев, прорвавших немецкий фронт или у немцев и казаков, не потерявших ни бдительной казачьей сторожевки, ни смелых действий дерзких казачьих разъездов, своевременно обо всем доносивших немецкому командованию!...

Вот то-то и оно-то!... Дух выше числа. Врага бьют не числом, но умением.

На этом я заканчиваю свои беседы с вами. Дай Бог чтобы они пошли вам на пользу...

Старый казан

Донской Казачий Архив в Праге

В настоящее время одним из самых значительных собраний печатных и, главным образом, рукописных материалов за границей по истории Донского Войска является, бесспорно, находящийся в Праге Донской Казачий Архив, основную часть коего составляют материалы, вывезенные в 1920 году из Новочеркасска, остальное же все было собрано уже за годы эмиграции.

Общая наличность Архива приблизительно может быть выражена в таких цифрах: свыше миллиона листов разных документов, около двух тысяч книг, по истории Дона и общего содержания, и комплектов разных журналов, свыше двух тысяч фотографий, гравюр, рисунков, негативов и клише и свыше пятисот полных и неполных комплектов русских и иностранных газет.

Для удобства ознакомления с материалами Архива, их выгоднее рассматривать в таком подразделении:

А) Отдел старых документов (старый архив), куда относятся:

Собрания подлинных писем (рескриптов) Государей за их подписью, или написанных от их имени, за период от Петра Великого до последнего Государя Николая II-го, письма императриц, наследников цесаревичей, некоторых великих князей, войсковых атаманов и других высших в Войске чинов.

Выписки из документов, хранившихся в архивах Военной Коллегии и Министерства Иностранных Дел, относящихся к Донскому Войску периода 1592—1776 годов.

Отдельные документы исторического характера, некоторые книги по истории Донских казаков за годы с 1873 по 1909.

Карты и планы земли Войска Донского, г. Новочеркасска, планы местностей древних казачьих городков и др.

Рисунки старинной казачьей одежды и военной формы, рисунки в красках войсковых знамен и фотографии войсковых клейнодов (знаков атаманской власти-пернача, булавы насеки, бунчуков), рисунки царских грамот, отдельных эпизодов из казачьей жизни и пр.

Гравюры с портретов казачьих героев и деятелей и различных эпизодов, связанных с историей Донских казаков.

Фотографии бытовой жизни казаков, их поселений-станций и хуторов, церквей, монастырей, отдельных домов, казачьей одежды. Снимки Войсковых Кругов и других торжеств, как, например, снимки посещений Донского Войска Императорами.

Снимки из жизни донских калмыков, их народной одежды, храмов (хурулов) и др.

Фотографии различных археологических находок.

Б) Отдел новых документов (новый архив).

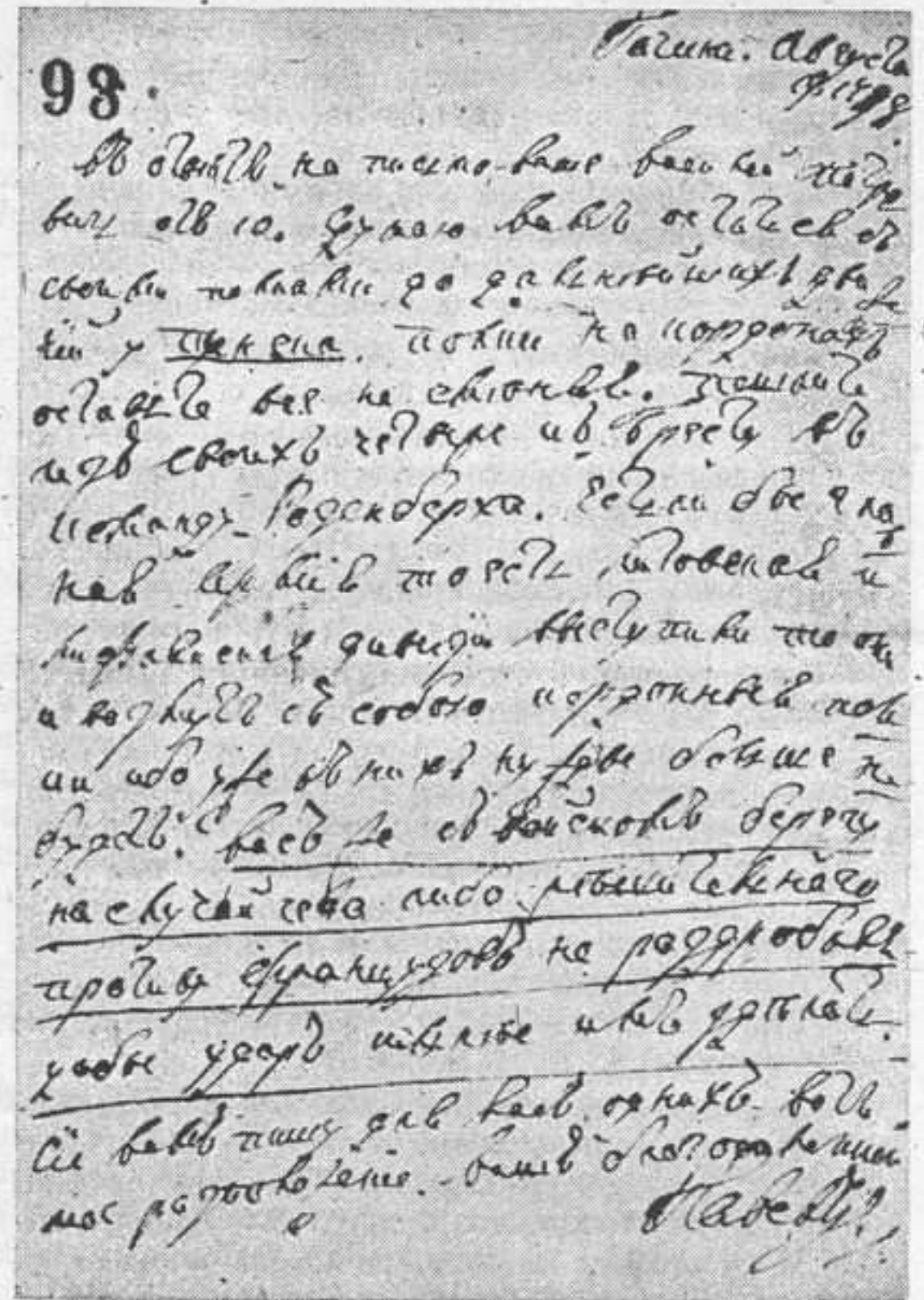
Документы и материалы этого отдела относятся к истории Дона с момента революции, т. е. с конца 1917 года. Здесь есть дела по гражданск. управлению Войском по-революцион. периода; по организации новой власти на Дону, ее деятельности в период с 1917 по 1920 год, т. е. до момента оставления Донской Армией и Донским Правительством Дона и ухода на Кубань и дальше. Дела Донского Исполнительного Комитета, общественной организации, принявшей на себя всю полноту власти на Дону в первые дни революции. Дела по организации отделов управляющих различными ведомствами (министерства), организация союзов Войсковых Кругов, постановления их, постановления и распоряжения Правительства, отчеты управляющих отделами перед войсковыми кругами, дела пропаганды и многое другое.

В) Военный отдел.

Он содержит подлинные и в копиях документы гражданской войны на юге России за период с 1918 по 1920 годы включительно. Среди них находятся документы, характеризующие состояние жизни в станциях и хуторах после захвата большевиками власти на Дону, в начале востаний казаков против советской власти, организации вооруженной борьбы в отдельных районах. Постановления станций и хуторов, воззвания, призывающие на борьбу с большевиками, о формировании боевых дружин, отрядов, организации снабжения и транспорта, установление и организация своей местной

Письмо Императора Павла I к Донскому атаману
В. П. Орлову

Подлинник хранится в Донском Казачьем Архиве в Праге

Гачина. Августа 19. 1798.

«В ответ на письмо ваше Василий Петрович от 10. думаю вам остаться с своими полками до дальнейших движений у Пинска. Полки на кордонах оставьте все не сменяя. Пошли-те из своих четыре к Бресту в команду Розенберга. Если бы главная армия то есть Литовская и Лифляндская дивизии, выступила то они и возьмут с собою кордонные полки ибо уже нужды в них больше не будет.

Вас же с войском берегу на случай чего либо решительного против французов не раздробляя дабы удар сильнее им сделать.

Сие пишу для вас одних. Вот мое расположение.

Ваш благосклонный ПАВЕЛ.»

власти. Документы по борьбе на юге Дона за обладание Новочеркасском, о Степном походе и по организации донской краевой власти. Документы, характеризующие переходный момент к планомерной, организованной борьбе целых войсковых соединений. Документы по организации Донской армии и по самой гражданской войне, о боевых действиях корпусов, дивизий и полков, включающих в себе директивы, приказы, приказания высших начальников и их подчиненных, оперативные донесения, оперативные, разведывательные и агентурные сводки, документы по снабжению, транспорту железно-дорожному, водному и гужевому.

Директивы, приказы и др. распоряжения Главнокомандующего вооруженными силами на юге России генерала Деникина и Главнокомандующего Русской Армией Генерала

Врангеля, оперативные, разведывательные и агентурные сводки и другие документы их штабов.

Документы, освещающие взаимоотношение донских властей и командования с Добровольческой армией и оккупировавшими в 1918 году юг Дон. области немецкими войсками.

Схемы военных действий, планы, карты и др. документы.

Нет возможности в краткой заметке перечислить все группы имеющихся в этом отделе документов. Но достаточно будет сказать, что на основании имеющегося можно составить полную картину почти 3-х летней героической борьбы Донских казаков у себя на Дону, на Кубани и в Северной Таврии. Для освещения борьбы на последнем клочке русской земли в Сев. Таврии летом 1920 года, особую ценность представляют оперативные дела штаба Донского Каз. Корпуса, переданные в архив Командиром корпуса генер. Ф. Ф. Абрамовым.

Г) Отдел эмигрантский.

Этот отдел охватывает период с момента эвакуации Крыма, т. е. с ноября 1920 года и содержит документы и др. материалы, относящиеся к жизни донских казаков в эмиграции, разбросанных в разных государствах Европы, а также и в других частях света. Сюда относятся материалы по организации казаков в зарубежные станицы и хутора, по устройству казачьих съездов, различных курсов, по оказанию разного рода помощи и т. далее. Документы, относящиеся к сношению с различными иностранными и русскими учреждениями, а также отдельными должностными лицами в различных странах. Разные осведомительные материалы и материалы по организации казачьей зарубежной прессы. Собрания рукописных журналов, издававшихся в казачьих беженских лагерях и учащимися — казаками разных средних учебных заведений. Дела Донского кадетского корпуса, Донской Исторической Комиссии по собиранию всевозможных материалов по новейшей истории Дона, кои частью уже напечатаны в трех книгах «Донской Летописи», частью же еще хранятся в рукописях.

К этому же отделу относятся большие собрания архивных материалов Донских Атаманов ген. А. П. Богаевского, ген. графа М. Н. Граббе, а также личные архивы П. А. Скачкова, бывшего заведующего Донским каз. архивом в эмиграции и члена Дон. Правительства, ген. шт. полковника В. В. Добрынина, ген. Т. М. Старикова, полученные после их смерти, дела Русск. Института Сел.-Хоз. Кооперации в Праге, около половины слушателей коего были казаки, переданные в Архив б. директором Института С. В. Маракуевым, дела Административной Комиссии Русских земледельцев (в большинстве казаков) в б. Чехословацкой республике (собрание арх. материалов за 20 лет), переданные Уполномоченным

А. К. генералом Г. И. Долгопятовым и собрания арх. материалов других лиц.

Собрания газет русских и иностранных со сведениями о казаках относятся к этому же отделу.

Задачи Донского Казачьего Отдела.

Донской казачий Архив, являясь хранилищем исторических материалов, представляет учреждение строго аполитичное, лишенное малейших признаков какого либо политического направления или сочувствия тому или иному направлению политической мысли, существующих среди казаков в эмиграции.

Исходя из этого основного положения, Д. К. А. ставит своей задачей возможно полное собирание всевозможных материалов, посвященных вопросам казачьей жизни, как до революции и во время ее, так и по-революционного периода. Такими материалами могут быть: собрания частных писем, рукописи воспоминаний, материалы военного характера, разные фотографии, журналы, книги, листовки и пр. и пр.

Сохраняя материалы до того момента, когда явится возможность доставить их на родину, Донской каз. архив в то же время стремится дать возможность всем интересующимся казачеством и работающим в этой области, в меру сил широкого пользования собранными и хранимыми в Архиве материалами.

Имея в виду все изложенное выше, Донской казачий архив и в настоящее время ожидает от всех казаков, как старой, так равно и новой эмиграции возможно внимательного и участливого к себе отношения, могущего выразиться в присылке сюда всего, что в той или иной мере отражает мирную или боевую жизнь казачества. В настоящее время стало трудно отдельному лицу хранить у себя те или иные материалы, еще труднее, или, вернее, почти невозможно это делать в боевой обстановке, вот почему каждый из нас должен подумать о более надежном хранении нужных материалов. Полученное от отдельных лиц даже в небольшом количестве, оно вместе с другими — уже на месте, в архиве составит богатое собрание материалов, представляющее огромную историческую ценность. Все мы знаем, что архивы создаются не сами собой, а общими усилиями всех понимающих пользу их для истории родного края и не забывающих хотя бы в малой степени, в меру своих сил, помочь полезному учреждению.

По окончании войны, когда наступит пора мирной жизни и мирного труда, каждый, кто пожелает восстановить в памяти пережитое, лично для себя или работая для истории родного Войска, найдет в Архиве все для него необходимое.

Адрес Дон. каз. архива: Donkosakenarchiv, Prag XI, Veitsberg 1600.

КНИГИ ДЛЯ КАЗАКОВ

Серия «Казачья библиотека» в издании журнала «На Казачьем Посту»

№№ 1 — 4. П. Н. КРАСНОВ, Исторические очерки Дона.

№ 5. Ес. Мих. ЗЕМЦОВ, Слышавшь Кубань.

№ 6. Вац. КАБАНОВ, Девятьсот тридцатый.

№ 7. КАЗАКИ-ПОВСТАНЦЫ — сборник статей современников, свидетелей и участников антисоветских восстаний на Дону, Кубани и Тереке.

№№ 8 — 10. КАЗАЧЬИ ПЕСНИ — три сборника, с нотами.

№ 11. «КОВЫЛЬ» — избранные стихи современных казачьих поэтов.

№ 12. БЕСЕДЫ СТАРОГО КАЗАКА С МОЛОДЫМИ

№ 13. Мих. БАЙКОВ, Горные братья (повесть).

№ 14. ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ.

Мы куем кадры

(Продолжение*)

Бесперестанно узкой белой полоской течет горный поток. Он то устремится вниз, но, наталкиваясь на камни, пенится и сердится; то вдруг приостановится и тогда шум и говор стихает, воды набирается больше; то преодолевает препятствия и с шумом и гулом продолжает свой путь вперед; то словно языком лизнет чистое песчаное дно, спадая сверху и образуя водопад — бесперестанно, точно в дремоте, в забытии ночи или днем под равномерный шум дождя лепечет ручей. На равнине поток становится тише. По обе стороны к озеру прилегают узкие полосы, зеленого луга, места для пастбищ лошадей. За ним расположен лиственный густой лес.

Приятно пахнет зеленью, цветами. И хотя непрерывно идет дождь, создавая неудобства, юные казаки не хотят покидать лагерь.

Подул ветер; плавно поплыли облака к океану; местами прояснилось низкое небо; между густой облачностью образовалось пространство, просвет на высокое синее давно скрывавшееся небо: оно было мутное и скучное.

— Погода будет, — проговорил атаман, который никогда не расставался с юными казаками. Атаман не угадал... Колышет ветер, облака поплыли на восток. Снова пошел дождь. Четвертый день бесперестанно падал он крупными каплями на сырую и клейкую землю...

Я поспешил в палатку, в укрытие от дождя. Рядом с моей палаткой живут самые маленькие казачата:

1. Донец Володя, родился 6 июня 1934 г.
2. Худиков Леонид, родился 1 января 1931 г.
3. Лукутцов Виктор, родился 1 января 1930 г.
4. Виниченко Георгий, родился 5 мая 1929 г.

Володя — донец, Виниченко — кубанец, Худиков и Лукутцов — терцы.

Я прилег на сухой настил соломы и стал дремать, слушая равномерные удары дождя о брезент плотно натянувшейся мокрой палатки. Заснуть я не мог: меня разбудил смех, потом спор в палатке моих соседей.

— Нет, братушка, говорит Худиков Лукутцову, — надо попробовать его силу, может он (такой же маленький одиннадцатилетний казачок Журавченко) сильнее меня...

Виниченко стал чистить винтовку, неосторожно щелкнув затвором.

— Что вы делаете с оружием? — прикрикнул л-т Мукасеев.

— Чистим... господин...

— Сейчас не время чистки...

— А нам делать нечего...

— Спать ложитесь, после обеда на конюшню идете дивалить...

— Вот, сейчас затвор соберу, — спокойно говорит Володя.

— А я что сказал...

— А я спать не хочу...

Лейтенант молчит. Я стал слушать дальнейший разговор. В палатке разговор на минуту притих, потом снова послышался. Говорил Худиков.

— А ты где родился?

— Не знаю... — сдержанно ответил Володя.

— А когда родился?

— Не знаю..., теперь знаю... Меня на казачий праздник окрестили...

— А какой ты казак?

— Донской...

— А я знаю...

— Ты старше, тебе 13 лет, а мне десять.

— Ничего ты не знаешь, может, ты и не донской, а кубанец, — Худиков на каждом слове ловил Донца Володю. Донец после всех приехал в школу, и Худиков в нем увидел соперника в верховой езде. У Донца не было прикре-

Юные казаки в лагере

пленной лошади. Когда ему позволяли, он ловко и умело правил лошадь, словно влитый сидел в седле... Вместо того чтобы спать, Лукутцов накинул на плечи плащ-палатку и отправился к озеру ловить рыбу, предварительно сняв ботинки и высоко засучив брюки.

Худиков все еще о чем-то спорил с Донцом.

— А помнишь ты своего отца?

— Нет...

— А мать?..

— Бабушку помню...

— Помнишь... А, вот, и не помнишь... Я терец... Я знаю своего отца... Его в тюрьму большевики посадили. А мать у меня давно умерла. С мачехой я жил. Она меня была... Я ее не вспоминаю часто... Лучше нашей станицы Курской нигде нет... Все я знаю: и когда родился и чей, все знаю. —

— И я знаю... Я донец, а фамилия моя Донец.

— Ничего ты не знаешь..., — повелительно закончил Худиков.

* Если вы не были среди этой веселой и жизнерадостной казачьей молодежи, то, попав в их среду, не сразу различите Худикова от Журавчикова, а Журавченко от Донца. Все они с пухлыми, словно надутыми щечками, с конопатенькими личиками, вздернутыми носиками, серыми, широко открытыми глазами... Кроме этих имен, вы услышите (если побываете во 2-м эскадроне) и другие: Попикв, Чиглых, Волк, Чухонец — все это клички, данные в разные времена, и никто не знает историю этих кличек. Вся школа — это Худиковы, Журавченко, Волковы, Чухонцы... Снова до меня доносится разговор — Худикова и Донца.

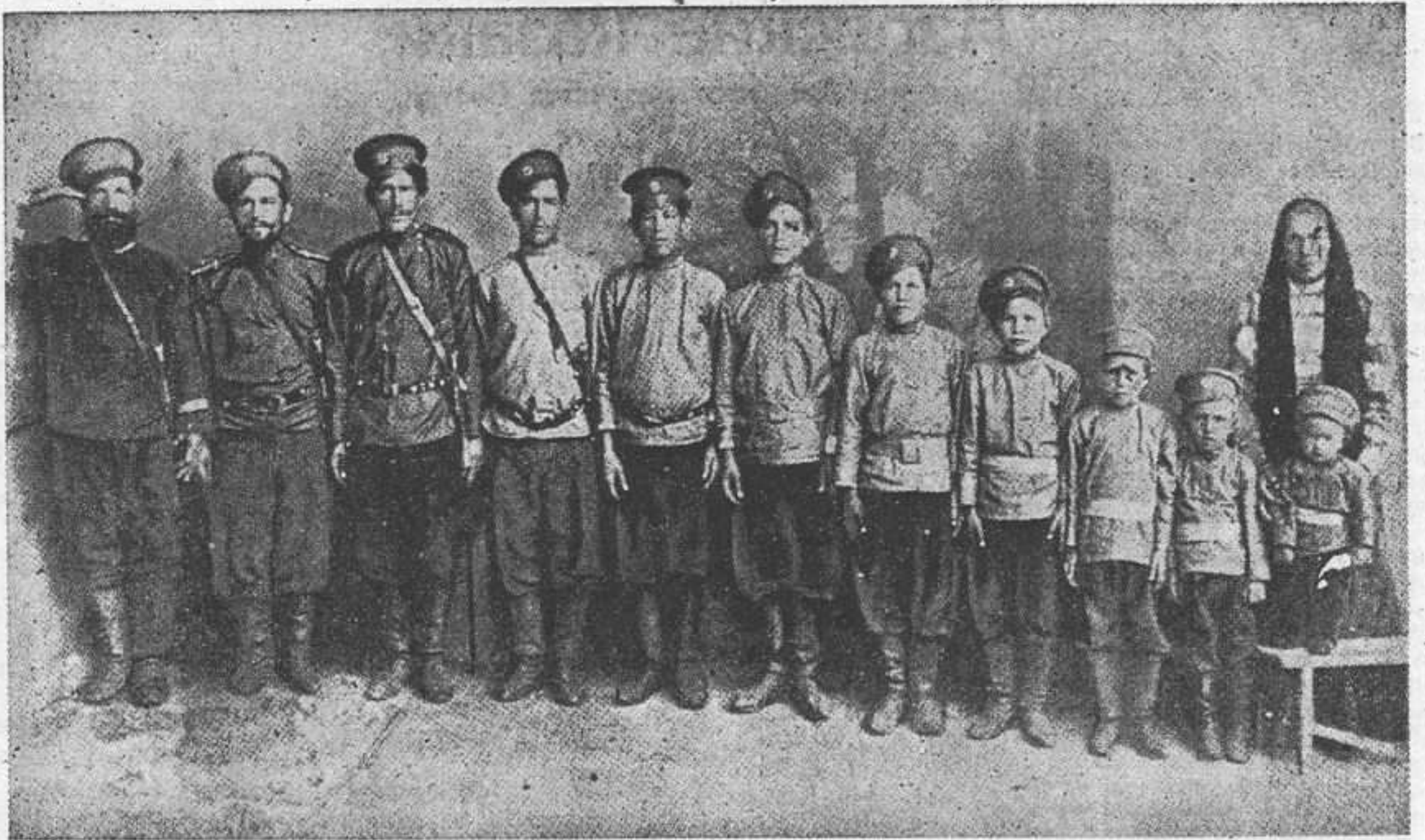
— Я никогда на твоей Галке ездить не буду, вредный ты... Кляча она у тебя... Понял?..

— Лучше Галки моей нет во всем полку.

— Не верю...

— Не верю - ю - ю, — передразнивая Донца, протянул Худиков. — Спроси у подполковника Штабино. Сам он мне говорил... И шоколаду давал и руку мне жал... «Молодец», — говорил мне командир полка... За джигитовку он пообещал мне медаль... Упражнялись мы на

*) См. № 32 «На Каз. Посту».

Урядник Никита Ершов, ст. Ермаковской Донского Войска, с женой и десятью сыновьями.

Фотография получена от Донского Казачьего Архива в Праге

пляцу в перевозке раненых... Вот, упал я, да неудачно. Галка перепрыгнула через меня, а позади пегая кобыла копытом хлоп меня по лбу, кровь залилась, а пилотку не сбила... — «Больно?» — спрашивает наш командир полка. «Нет», — я ему отвечаю... Поблагодарил он меня да и говорит: «Был я у взрослых казаков... Смотрел, как они занимаются джигитовкой...» Он улыбнулся и добавил: «Вы лучше всех... Вы настоящие будете казаки. Вот скоро придет ваш отец, генерал-лейтенант фон-Панвиц, не осрамьтесь сами, ну, и меня не подведите...» А сам все смеется и пожимает то одному, то другому руки. — После короткого перерыва закончил:

— Вот, и получу медаль...

— Я вырасту большой, и я буду хорошим джигитом...

— Куда там донцам до терцев... — Я вышел из палатки. Дождь перестал, хотя было грязно. Лукутцов вернулся с рыбальства и нырнул в палатку. Я направился по линии палаток. В первой еотне кто-то играл на «баяне». Молодой юн. урядник подпевал. Я сел на сухой пенек и стал слушать.

«Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут надлегу.
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту...»

Я повернул и пошел в обратную сторону.

На прощанье шаль с каймой
На груди узлом свяжи,
Как концы ее с концами
Мы сходились в эти дни...»

Навстречу идет с удочками обервахмайстер Файге, а с ним кто-то из немцев в накинутой на плечи палатке. Худиков все еще не унимался.

— А, вот, скажи, что часовой делает, когда воробей на

шттык сядет?

Винниченко ответил:

— Стреляет...

— Стреляет..., нет, спит...

Разговор стих. Пошел дождь. Не успел я укрыться в палатке, Лукутцов заводил:

Там шли полки казачие лихие
И проходили со склона на склон.
Эх, ты проснись, Дон, Кубань и Терек,
Прими от нас, своих сынов, поклон.

Заколыхал западный ветер... Дождь перестал... Выглянуло долгожданное солнце. Лейтенант Мукасеев открыл полотнище палатки и крикнул: «Ура»...

— Ура, — раскатом прокатилось по лагерю. Сотни голосов заполнили пространство от озера до горизонта, от леса и до гор. Повторялось эхо в лесу... Вместе с лейтенантом я пошел к озеру.

Снова пускается дождь... Казалось, само небо собиралось обрушиться на сырую, размяченную, землю...

Равномерно барабанит дождь о крыши палаток; полной радости жизнью живут юные казаки, закаляя себя и собираясь по вызову своих отцов стать в ряды тех, кто сложил свою буйную казачью голову за дело казачье, за правду и волю, за долю и славу, кто предпочел смерть жизни постылой.

Тарахтит дождь, уныло клонут широкие листья лес. Звонкие голоса неслись в угрюмый сырой лес, пугая иззябших его обитателей.

Приближался вечер...

В. Никонов

(Продолжение следует)

Азовские казаки

Из истории Азовского Казачьего Войска

В истории казачества Азовское войско играет незначительную роль. Немногие из казаков слышали что-либо об этом войске, хотя оно было упразднено сравнительно недавно — в 1864 году, но просуществовало оно всего лишь 35 лет. Срок слишком невелик, но в настоящее время столь кратковременная история маленького Азовского казачества в свете наших дней любопытна. Теперь, когда эвакуированные из родных краев казачьи семьи, на тысячах подводках передвигаются по Европе для переселения своими станицами на землю, чтобы, в ожидании возвращения на родину найти себе пристанище и угол, где могли бы заняться привычным сельским трудом, — любопытно проследить пути Азовских казаков, стремившихся сесть на землю и обосноваться своей общиной в новых местах. В других местах и при других условиях казачество ныне очутилось примерно в таком же положении, как сто лет тому назад Азовское казачье войско.

Около 5 тысяч запорожцев, под предводительством одного из казачьих старшин, не желавших расстаться с вольной, свободной жизнью своим казачьим укладом, переселились в самую дельту Дуная, получив на то согласие Турции. Они бились с Некрасовцами часто меняли места жительства и уже в начале 19 века Задунайская Сечь имела в своем составе 90 тысяч душ обоюбого пола. В главных чертах задунайцы сохранили прежнее устройство и систему управления Запорожской сечи, но в значительной степени утратили воинский характер организации, прочно осев на землю и занявшись мирным земледельческим трудом. Последние страницы истории Запорожских казаков, дописывались в Турции. Часть из них была перебита турками, ибо казаки партиями уходили обратно в Россию. Русское правительство помогало им материально и устраивало на землю, тем более, что казакам, оставшимся в Турции и принужденным участвовать на ее стороне против русских и братьев славян, это было слишком тяжело и при удобных случаях они переходили на сторону враждебных Турции армий своих соотечественников и соплеменников-единоверцев. Уже во время Наполеоновских войн, когда русские войска стояли на Дунае под командованием генерала Михельсона, из перешедших на его сторону запорожцев было сформировано особое Усть-Дунайское-Бугское казачье войско, которое впоследствии было переселено на территорию Черноморского казачьего войска. В 1817, 21 и 25 г. г., во время освобождения греческого народа запорожцы, в общем до 800 человек, под влиянием призывов Архимандрита Фотия, из Афона перебрались в Одессу и оттуда разбрелись по хуторам Новороссии. Русское правительство в те годы мало обращало внимания на эти переходы, вследствие их скромных по численности масштабов, но когда в 1826 году ожидался большой наплыв запорожцев в пределы России, наместник Бессарабии гр. Воронцов обратился в Петербург с просьбой предоставить этим казакам права иностранных колонистов со всеми вытекающими отсюда преимуществами, как то: свободу вероисповедания, освобождение от налогов, воинской повинности, представление внутреннего самоуправления, и пр. Правительство отклонило этот проект в предположении, что в дальнейшем у запорожцев будет еще большие требования в смысле расширения их прав и уменьшения их обязанностей по отношению к государству. Взамен этого им предложено было наделение землей и временные льготы в отношении налогов.

В 1827 году сечевики избрали кошевым атаманом Осипа Михайловича Гладкого. В это время, накануне войны Турции с Россией, казаки получили приказ визиря явиться в Силистрию. Холостые казаки, не желавшие расставаться с вольной жизнью на Дунае, готовы были выполнить этот приказ и вступить в турецкое войско, но другая часть, во главе которой стоял атаман, решила перейти в Россию и, год спустя, казаки начали переходить в Бессарабию, где из них и бывших уже там Бугских казаков, были образованы два полка под названием Дунайского войска.

Одновременно с начавшимся переходом на сторону России части казаков, другая часть была отведена Гладким в Силистрию, усмиряв тем бдительность визиря, а затем он вер-

нулся в Сечь и там объявил о своем намерении перейти к русским войскам. Тогда же, не дожидаясь пока соберутся все переселенцы, он, во главе 550 наиболее приверженных ему казаков ушел в Измаил 9 мая 1828 года, в Главную Квартиру русской армии, в которой находился император Николай I. Государь милостиво принял Гладкого, пожаловал ему дворянство и чин полковника. По царскому повелению, эти 550 казаков составили Усть-Дунайский полк.

Вслед за первой партией переселенцев пришла и вторая, с женами, детьми, скотом и скотом и, по окончании войны, в 1829 г., казаки в составе 346 семейств и 374 холостых, гоня перед собой большие стада рогатого скота и косяки лошадей, направились в Бессарабию, где временно расселились в Анкерманском уезде в ожидании назначения им места постоянного жительства. Так как у устья Дуная поселить их было невозможно, то было выдвинуто предположение о поселении казаков на левом берегу Кубани, по соседству с Черноморским войском около Анапы.

Атаман Гладкой представил проект об условиях расселения:

1. Предоставление средств на постройку домов, церквей и госпиталя.
2. Разрешения беспошлинной продажи спиртных напитков.
3. Свободная и беспошлинная ловля рыбы в Черном море.
4. Каждый поселенец имеет право получить беспошлинно по 3 пуда соли ежегодно.
5. Отсрочка на семь лет несения воинской и земской повинностей.
6. Обмундирование всем казакам, состоящих в полках, давать от казны.
7. До первого урожая казаки от казны получают хлеб.
8. Судопроизводство по уголовным делам должно быть военное.
9. В льготные годы казаков употреблять в качестве земской полиции.
10. Назначение штатов и отпуск известных сумм на расходы.

Этот проект не был осуществлен, переселение в район Анапы не состоялось. В этом крае, или еще волнения горцев и происходили постоянные нападения. Тогда Гладкой просил отвести казакам земли у Днепровского лимана, но граф Воронцов ответил, что там нет ни клочка пустопорожней земли и предлагал поселить их около Керчи, но и там условия поселения оказались неподходящими. Наконец, атаман Гладкой, по предложению гр. Воронцова лично поехал осмотреть свободные земли в Екатеринославской губернии, около г. Мариуполя. В том районе, в местности называемой «Бердянская пустошь», атаман облюбовал участок в 43141 десятину. В сравнении с количеством переселяющихся земли было много — приходилось по 36 десятин на душу, — но надо было иметь в виду и новых переселенцев-холостяков, ожидавшихся из Турции и, кроме того, надо было отделить земли и для офицеров.

Министр финансов протестовал против этого проекта, лишивший казну 10.000 рублей ежегодного дохода, получавшегося с этих земель и требовавший слишком большого расхода в 81 тысячу рублей, которые, согласно проекту, надо было отпустить казакам на постройки. Обременительными казались и другие условия, а посему министр полагал, что лучше было бы если бы этих казаков приписать к какому либо другому войску, или же перевести их в мещанское сословие. Несмотря на это противодействие, составленный летом 1831 г. проект был утвержден царем 5 августа того же года. В утвержденном проекте положены резолюции по отдельным его пунктам, в том числе и о праве ловли рыбы в Азовском море. Войско должно было именоваться Азовским казачьим войском. Новороссийскому губернатору гр. Палену было предоставлено 50.000 рублей на выдачи пособий пере-

селенцам и он же должен был составить подробное «Положение о поселении казаков», с перечислением их прав и обязанностей, применяясь к таковым, существовавшим в других казачьих войсках.

Боле́е двух лет кочевали казаки по югу России, зимовали в 1830-31 г. в Днепровском уезде Таврической губернии, где получали провиант из казенных магазинов и пользовались пастбищами на казенной земле. Наконец, во второй половине 1831 г. они были переведены на отведенные им около г. Мариуполя земли в количестве 420 семейств и 550 строевых казаков.

В скором времени число их увеличилось в полтора раза — к ним присоединили мещан-посада Петровского и казенных крестьян с Новоспасовского. Произошло это от того, что казакам было дано право ловить рыбу в Азовском море, а земли же их, как выяснилось позже, не прилегали непосредственно к морю. Пришлось строить рыбацьи хижины в районе посада Петровского и проезжать к морю через участки, принадлежащие крестьянам села Новоспасовского.

Администрация хотела бы часть берега, принадлежащего мещанам, уступить казакам но опасалась, что этим она вызовет недоразумения между обеими сторонами, а посему 238 мещан Петровского посада, с их согласия, со всей принадлежащей им землей и рыбными участками, записали в Азовское казачье войско.

Граф Пален, с согласия министров внутренних дел и финансов, составил проект о расселении запорожцев и представил таковой, через военного министра гр. Чернышева, на утверждение в комитет министров. В комитете нашли присоединение мещан к Войску целесообразным, тем более что казаки могли пользоваться и камышом, которого не было на отведенном им пространстве, но вместе с тем комитет обратил внимание на неудобство, вызываемое необходимостью проезжать казакам через обширные участки, принадлежащие крестьянам села Новоспасовского, что вызвало бы жалобы и недовольство крестьян. Поэтому предлагалось, по примеру мещан, включить их в состав войска, или же, в случае нежелания крестьян, отвести казакам полосу земли, которая соединяла Бердянскую пустошь с землями Петровского посада.

Крестьяне сами охотно оотласились записаться в казаки и подали об этом прошение атаману Гладкому. Таким образом войско увеличилось на 844 человека. Высочайшее повеление об этом последовало 15 ноября 1832 г., а в 1837 г. к войску присоединилось еще несколько сот украинских казаков. К востоку от Бердянского лимана был присоединен Урзуфский участок земли, на каковой было переселено еще 200 украинских казаков, пришедших из Стародубовского попечительства Черниговской губернии.

Войсковая канцелярия была перенесена из ст. Никольской в станицу Петровскую и в течение 20 лет был выстроен войсковой центр с двором атамана, церковью св. Николая и др. зданиями: училище, войсковое управление, канцелярия, острог, кузница, пороховые погреба, помещения для войскового лекаря, цейхгауза, учетной команды и пр. Лучшим украшением станицы был огромный войсковой сад в 16 десятин.

К тому времени войско владело 74.300 десятин земли с 5 станицами: Никольская, Петровская, Новоспасовская и Стародубовская, с населением в 9 с лишним тысяч душ. На каждого взрослого казака приходилось 15 десятин земли.

В 1849 году атаман генерал-майор Гладкой ушел в отставку и с того времени начался упадок войска. В 1862-3 г. г. переселилось на Кавказ 1065 казачьих семейств. Добровольно переселялись туда казаки и после, вследствие чего из-за малочисленности войско уже не могло считаться самостоятельной общиной. По представлению командующего войсками Одесского военного округа в 1864 г. Азовское казачье войско было упразднено и в следующем, 1865 г., Государственный Совет издал постановление, в силу которого офицеры причислялись к личному дворянству Екатеринославской губернии, а казаки и урядники — к крестьянам-собственникам. Офицеры получали по 50-400 десятин земли, а казаки по 9 десятин в наследственное и по 15 десятин в пожизненное владение. Войсковые земли и дома переселившихся на Кавказ казаков переходили в казну, а знамена, оружие и баркасы были переданы Кубанскому войску. Запорожцы, после этого, переселились на Кавказ, а б. мещане остались на месте и свыклись с крестьянской жизнью.

Так окончилось краткое существование Азовского казачьего войска.

Андрон Пылаев

Рассказ

Окончание*)

Недавно случилось неприятное событие. В одно из воскресений немецкая команда, Крайсландвирта Хостера на двух машинах, поехала в соседнее украинское село Ценцевичи «на дожинки». «Дожинки» — веселье с выпивкой и угощением, устраиваемое на Украине в честь сбора урожая. Надо было собрать хлебозаготовку, причитающуюся государству. Поехал сам Крайсландвирт Хостер, молодая переводчица — полька Аля, фельдфебель немецкой команды, заместитель начальника станции, два шофера: немец Ганс и казак донец Максим, остальные — немецкие солдаты. Всего — 42 человека. Взяли 4 пулемета, пять автоматов, достаточное количество патронов.

Еще за неделю до поездки староста Ценцевичей пригласил на «дожинки» Крайсландвирта Хостера. «Приезжайте в воскресенье, будет угощение, выпьем, катаячиков зарежем, там и договоримся когда привести поставку».

Хостер согласился. В этом и была его ошибка.

Грузовые машины, держась близко одна другой, поехали на Ценцевичи: — 10-12 км. от Антоновки. В 4-5 км. дорога спускается в низинку к деревянному мосточку. Справа — река Горынь, слева — густой лес и бугры. Естественная мышеловка.

Как уже после выяснилось, дело оботояло так: первая машина вступила на мост и подорвалась на mine. Вторая машина повернула в сторону и свалилась в яму. Все место уже было взято «бульбовцами» на мушку. «Бульбовцы» из-за бугров, с расстояния 100—150 метров, открыли убийственный огонь из пулеметов и автоматов. Оказывается, здесь уже немцев ждали целую неделю.

Немцы даже не успели развернуться, как из их рядов было убито 5-6 человек. Стычка продолжалась не более 15-20 минут. «Бульбовцы» крикнули ура, забросали отряд гранатами и без потерь забрали всех в плен.

К вечеру в Антоновку прибежала единственная собака Хостера «Рекс» вся в крови. Больше никто не вернулся. На другой же день, со стороны Сарн, на Ценцевичи, направились три немецких отряда. Нашли, до неузнаваемости сожженный, человеческий труп. Ни машин, ни людей не нашли, как будто они и на свете не существовали. Труп, как узнали после по переднему металлическому зубу, принадлежал шоферу Гансу. Ноги и руки превратились в уголья. Угли положили в раскрытый живот, лишенный внутренностей.

Уже после, спустя 2-3 месяца, выяснились дополнительные подробности. Крайсландвирт Хостера и Алю держали несколько дней в подвале. Хостера повесили, а Алю изнасиловали и пристрелили. Солдат тоже постреляли;

*) Начало в № 32 «На Каз. Посту».

не то закопали где-то в глухом месте, не то покидали в Горынь. Трупы не нашли.

Люди стали жертвой чрезмерной доверчивости и недостаточной охраны в пути следования.

Украинское село. Люди попрятались. Мужчин ни одного. Некоторые, наиболее смелые женщины, боязливо выглядывают со дворов. Человек с винтовкой теперь стал самым опасным для мирных жителей. Кто он? Откуда? Чего он хочет? У кого оружие, тот и хозяин.

С трудом находим старосту, говорим: «Нужно овса для коней...» Староста начинает проявлять расторопность, он думал, что с него потребуют нечто больше.

Только что нагрузили мешки с овсом, прибегает старушка. Кричит причитает. «В чем дело?» — спрашиваю старушку. — Ой, пане офицер, казак двух гусей украл... «Какой казак». «Вон тот...». Указывает на Андрона Пылаева. «Возвратить сейчас же гусей. Немедленно... Шум, гам и все из-за тебя. Не умеешь — не берись...»

— Да я не знаю, г-н есаул, чего она ко мне прицепилась... Никаких гусей я не крад...

Подходит полицаймайстер с немцами, спрашивает: в чем дело? Я объясняю. «Комм мит» — говорит он старухе и идет к подводам. Обыскиваем все казачьи брички, — нет гусей.

— Ну вот бабка зря только шум подняла, никаких гусей нет...

— Та шо я слепая, чи шо! Колы сама бачила, як він гусей ташил...

— Ну, что же, прикажешь казакам раздеться, что-ли? В сапоги, или за пазуху запрятали твоих гусей? Сама же видала: все обыскали, — нет гусей... — Старуха охает и уходит в свою хату.

Лишь только немцы и старуха удаляются, Андрон с быстротой молнии вытаскивает из под сиденья повозки полицай-майстера двух связанных гусей и прячет их на казачью подводу среди мешков: «Ну вот теперь можно и переложить, больше никто не будет обыскивать. А теперь скажите, г-н есаул, умею я или не умею работать... Вы же сами мне говорили: «Наполеон сказал: солдат воет желудком»...

Казак грохочет, хватаясь за животы. Я поражен логикой и ловкостью Андрона и тоже не могу удержаться от смеха.

Андрон прикрывая гусей рядом, примиряюще говорит: «Вечером вы узнаете г-н есаул, стояла ли овчинка выделки... Пальчики оближете...»

Садимся на подводы и едем назад. Впереди опять дворы. Вдруг из ближайшего леса — пулеметная очередь. Казаков, как будто ветром снесло с подвод. Двух ранило. Их тащат в кусты. Из кустарников паде осыпают автоматы. На полном скаку наши подводы врезаются в кусты, снесают заросшей низине.

Вдруг заговорил наш пулемет, Андрон бьет короткими очередями по лесу, где находится партизанский пулемет. Другой наш «бельгиец» тоже вступил в бой. Первые минуты замешательства прошли. Я прилаживаюсь за деревом и пускаю в ход автомат. Захлебывающаяся дробь немецких автоматов смешивается с частой стрельбой казаков. Стрельба с моей стороны обрывается. Командую: «Кустами пробраться вперед!» Андрон с «бельгийцем» частыми перебежками уходит вперед. Уже за дорогой вновь заговорил его пулемет. Казаки кустарниками уходят за Андронем.

Со стороны партизан слышны удаляющиеся крики, стоны. Мы осторожно пробираемся лесом вперед, готовые ко всякой неожиданности. Продвигающиеся вперед казаки обстреливают лес. Гулкое эхо перекатывается впереди. Подходят подводы. На подводах раненые. Один — в мя-

коть ноги, другой — в бок. Казаки разрывают на них нижние рубахи и перевязывают раны. Раненые стонут. У них бледные, страдальческие лица, стиснутые зубы.

— Ну, как, Митя, трудно? Ничего браток — потерпи. Приедем, — отправим в Сарны в лазарет.»

— У тебя, Вася, как бок? Ноет. Повернуться трудно... Сейчас травы накосим, подстелим... Ничего ребята, до свадьбы заживет...

Подъезжаем к Антоновке. Казаки возбужденно обмениваются выражениями по адресу бандитов.

... Но, Андрон, молодец. Сам видел, как двух подвалил. Снайпер.

Федька Калашников ловко стукнул одного, аж лапти кверху!

— Будут знать, как нас трогать!

— Нас не трогай — мы не тронем. А затронешь спуску не дадим.

Немцы тоже возбуждены стычкой. Полицаймайстер хлопает Андрона по спине: «гут шиссен». (хорошо стрелял).

Андрон подходит к телеге, показывает пару гусей, объясняя знаками и мимикой, что он их спрятал под сиденье к полицаймайстеру. Немцы понимают и неудержимо хотят. Опять хлопают Андрона по спине.

— Вечером приходк ессен!

— Гут, гут... Ах менш... (Хорошо. Хорошо. Ну и человек...).

К нам навстречу спешит помощь: человек сорок казаков. Они присоединяются к нам и мы торжественно вступаем в Антоновку. Раненых отправляем с первым поездом на Сарны.

Вечером мы едим жареного гуся с картошкой. Гусь бесподобен. Жирные, подрумяненные куски мяса приятно возбуждают аппетит. Хоть к королевскому столу. У нас — лукулловский пир. Полицаймайстер, блестя очками, все время одобрительно отзывается: «Шойп. Гут. Прима.»

Мы великолепно поужинали. Андрон собирается в Зоське.

— Ну сегодня тебя опять придется в «вытрезвилку».

— Нет, г-н есаул, сегодня все будет в порядке. Сама мальчишку прислала, чтобы немедленно приходил... А воину человеку, что надо? Кусок хорошего гуся, да бабечку поадренее... Цыпче пень, завтра нет...

— У тебя губа не дура — говорит его приятель.

— А ты бы небось отказался?

— Кто же от добра отказывается?

— Ну то-то же... Живи пока можно, а по войне разберемся...

Волею судеб мы расстались с Андронем. Приказом из штаба он был назначен в другую часть.

Известия, как отдаленные звуки могучего прибоя, доносились с фронта: Ровно, Дубно, Витебск, Черкассы, Кривой Рог. Этапы могучих боев, где каждый равняется Бородинскому сражению и по напряжению и по количеству потерь. За лапидарными сводками таплись снежные просторы колоссального Восточного фронта, титанические сражения стальных гигантов, воздушные схватки громадных ревущих птиц.

Фронт приближался к Волини. Мы очутились в большом западном городе Львове.

После 16-ти месячного пребывания в волинских медвежьих углах, я с удовольствием ходил по узким улицам, любясь архитектурой домов, старинных польских и уннатских костелов, с удовольствием воспринимая лихорадочный темп шумных улиц. Мимо меня текла торопливая, празднично одетая, городская толпа, от которой я успел отвыкнуть. Меня тянуло ознакомиться с культурной жизнью города. Я побывал в трех музеях, осмотрел

дом Яна Собеского 15-го века, посмотрел известную львовскую панораму, побывал в оперном театре (по мнению знатоков — копия венского театра), в кино ... Старинный город был достоин пристального изучения.

Как то я очутился на базаре. Смотрю — знакомая фигура. Андрон покупает у поляка карманный фонарь. Я подошел вплотную, Андрон не замечает меня, увлекшись торговлей.

— Ты пан не скупись для военного человека ... Не сорок золотых, а тридцать тебе за глаза ...

Поляк упорствовал, не хотел снижать цену:

— Прошу пана, тшндести пенч золотых и юш ... (тридцать пять золотых.)

Так и договорились на 35 золотых.

— Андрон!

— Николай Иванович! Какими судьбами?!

— Ехали — приехали ... Где ни ездешь, а с казаками встретишься... Жив — здоров?

— Слава Богу!

— Едем на фронт с полком. Эшелон стоит на станции. Решил пройти по городу. Фонарик купил. Ну и жила на-

род — продаешь им вещь, дают 25% стоимости, а с тебя стараются содрать.

Мы вспомнили прошлое. Андрон рассказал о своих последних скитаниях здесь на западе. Ему уже время идти. Мы целуемся.

— Желаю тебе Андрон, быть живым и здоровым. Мало нас уральцев остается ...

— Золотник хоть мал, да дорог — поговорка стариков, — говорят он словами казачьей песни. — И тебе, Николай Иванович, желаю того же ... Ну, бывай здоров ... Спешу ... Бог даст, увидимся ...

Он идет через базарную толпу уверенной походкой. Походкой, которой ходят казаки и старые кавалеристы: отставив руки в локтях, разворачивая в стороны носки, наклонив чуть корпус вперед как боксер готовый к бою. Его плотная фигура разрезала базарную толпу, как русский ледокол «Ермак» разрезает могучим форштевнем полярные льды. И толпа, как-то инстинктивно, уступала ему дорогу. «Казак» ... — неслось за ним.

Я смотрел ему вслед и мне вспомнились его слова:

— Мы казаки ... Выдержим ... Свое возьмем!

Александр Яганов

Богатырская сказка-быль

о казачьем витязе-сибиряке атамане Лавре Корнилове и о земле крещёной

посвящает казакам всех войск Есаул Вениамин Поночевный

— Старый дедушка Аким,
Расскажи нам сказку
То что было уж давно
И вошло в приказку...
— Детки милые мои
Рад бы всей душою,
Да боюсь я одного,
Что рассказ порою
В правду б кто не превратил,
А тогда известно:
Горемыку привлекут
За что неизвестно:
Толь за правду, толь за ложь,
Толь за былль людскую
И посадят старика
На позор в мирскую».
— «Нет, дедуся, ты не бойсь
Ведь настали лета,
Когда можно говорить
То, что было пето
Льшь в былинах и сказах
Старых бандуристов
Средь народа, без ушей,
Что так слышат быстро...»
— «Ладно, детки, коль уж так —
Верю вам на слово
Только чур — перебивать
Не можете слово,
А то выйдет невзначай,
Вспомнив про былое,
Все начнут твердить в одно
Нечто уж другое.
— Станут ахать, да судить
Долго-ль до несчастья
Может всякое ведь быть
В тихое ненастье...»

Ну, так вот, теперь почну
Слушайте для смысла
А что б значит во речах
Не было бы кисло
Там, где можно подслащу
Иль добавлю сальца
Ложь же можете сами
Высосать из пальца:
Коль страшно — подморгну,
А скажу коль глухо
Растопырьте вы тогда
Уж пошире ухо...
— Я, ведь, детки, пережил
За свои вишь лета,
Так что песенка моя
Будто бы уж спета
И теперича порой
Ночью часто каюсь
Пред иконою святой,
Что на свете маюсь.
Ну, да видно за грехи
Не настало время
На могиле уложить
Жизненное бремя...
— Ишь... — гремит; кажись, гроза
На дворе настала
Ну, да Бог нас сохранит —
Было гроз мало
И от всех уберегло
Хоть и разметало
Хату зятя моего...
Многое пропало
В лето то, что Бог послал
Нам на испытанье
Весь народ тогда дрожал
За своё стяжанье.

А теперь, вот, вишь пойми
Будто всюду тихо
А всех бают меж себя
Что настанет лихо.
Посмотрю на всё кругом
Стало будто втрое
Жизнь для всех их дорога
А, вот мне, другое
Мозг всё вертит,
Что покой — это лишь сознание
Ну, так вот, почну теперь
Я своё сказанье:
— «Жил-да-был, как говорят
В сказках, иль былинах
Умный разумом народ
На китовых спинах...
Распростёрлась широко
Та Земля Святая —
С одного конца в другой
Не видать и края.
А кругом все моря,
Точно окняны,
Или высаятся порой
Горы-истуканы —
Вёрет ё десяток в вышину
Слух такой проходит
И на них в сторожевой —
Богатырь лишь ходит.
Окняны ж те грозны
Вечным льдом покрыты
И от глаз людских всегда
По пол года скрыты
Страшной темью неземной
Точно ад крошечный
Где народ сидит душой
За проступок грешный.

Темь такая, что зверьё,
 Так и то бонется
 Там искать себе приют,
 Чтобы поселиться...
 Солнца нет, луна — вишь тожь
 света не пускает
 И лишь ясною порой
 С неба там свисает
 Десять радуг, да таких,
 Что от них светится
 Ну, как будто светлячок
 По небу катится.
 Свет вишь есть, а жару нет
 Хоть и светит ярко
 Лёд от холоду трещит
 Так, — что небу жарко
 Ну, а как весна придёт
 Снег не весь там тает
 Хоть и солнце почь и день
 Землю освещает...
 Вот, уж правду говорят
 Чудно мир устроен
 И чтоб знать его как — есть,
 Можешь быть покоен —
 Десять жизней проживи
 Всё же не добиться
 Отчего Земля вишь так
 По небу вертится,
 А не в сторону, иль в бок,
 Или значит прямо
 Чтобы было бы тепло
 Морю-окияну...
 Ну, а всё же, в летний день
 Корабли в нём бродят
 И зверьё промеж тех льдин
 без труда находят.
 Зверь всё чудный — не такой,
 Как у нас на речке,
 Часом в десять саженей

И в две поперечки.
 Рыбы... — тьма! Тюлень, моржи
 И слоны морские,
 Тигры схожи на сомы,
 А коты — другие
 Точно рыба, а не кот,
 Что по крышам бродят...
 Птица будто бы народ
 В гости с бабой ходит,
 Иль в проходку вечерком
 Парочкой гуляют
 И о чём то меж собой
 Умно рассуждают.
 За дитём они глядят
 Пуще Акулины
 За проступок же казнят
 Сгоняя со льдины,
 На которой чинно — в ряд
 Судьи разместились
 Ну, как будто бы в мирской
 И в семье родились.
 А зимою всё бежит,
 Вишь, на дно морское
 Лишь бы только пережить
 Зиму на покое.
 А — то, грянут холода,
 лютый вихрь задуёт
 И всё царство изо льда
 снова заколдует.
 Буйны ветры будут выть, —
 Подымут бураны,
 Снегом сыпким занесут
 Тайкие курганы.
 Ведьмы будут песни петь
 И с метлой кружиться
 И в пучинной белизне
 будет смерть носиться.
 Не найдя в миру покой,
 Кто туда заглянет

И с добычею морской
 Хоть на шаг отстанет —
 Горе путнику тому,
 Что застрял в дороге
 Не видать его семье
 Гостя на пороге...
 Вот сказ-вам на первах
 Дай передохну-ка,
 Принеси кваску сыпок
 Идь-хоть, ты, Ванюха,
 А то в горле поперёк
 Что то колко стало...
 Малость стар стал, как ни как
 Прожил, ведь, не мало —
 За восьмой бишь утекло,
 Знамо, что не молод,
 На дворе хоть и тепло,
 А, вот, мне баш холод
 Тело нижет — точно нить
 Крозь мешок проходит.
 А в жару вишь станет нить —
 Сердце плохо бродит.
 Да... не те года, что был
 И как вихрь носился
 И по низким берегам
 Где казак родился.
 Всюду, детки, побывал...
 Видывал не мало...
 Про родны края читал
 Вот, теперь и стало
 кое-что порассказать
 Вам для развлечения,
 Что досталось от дедов
 И из книг ученья...
 Сказы слушивал, как вы,
 От отцов и дедов
 Про войну и про грибы
 И про людоедов.
 (Продолжение следует.)

Р О З Ы С К И

Кондратов Илья-Ив., Ф. П. № 48660-Ф — отца Ивана Петровича и двоюродного брата ес. Евсюкова Фед. Дм.

Казани ст. Брюховецкой (Кубань) просят откликнуться по адресу: Виктор Пыль, Ф. П. № 56577-Е, следующих станичников: А. Р. Пыль, П. Е. Вышнецкого, Г. И. Репяча, А. А. Антощенко, А. Х. Сяменко, М. М. Агеева, И. Г. Коваленко, А. И. Михайлика, Г. Шрама, А. Б. Яковенко и всех станичников.

Алифанов Ал. Козм., ст. Камышовской, Ф. П. № 48228-Е — отца и станичников.

Копомиец Ив. Емел., Ф. П. № 48228-Е — тестя С. И. Свириденко из Краснодара.

Евсеев Василий Иванович, ст. Пятизбьянской (Дон) — дядю Алексея Ермолаевича. Ф. П. № 56559.

Наконечный Михаил Андреевич, Ф. П. № 04508 — разыскивает отца-священника Наконечного Андрея, уроженца слободы Шаргородска, Подольской обл., эвакуированного из гор. Бара, Каменец-Подольской области.

Багужский Павел Николаевич, Ф. П. № 04508 дядю Глуценко Дмитрия Афанасьевича, уроженца ст. Александровской, Терской обл., эмигрировавшего за границу в 1920 году.

Мекеров Жембе Шхэпович, Ф. П. № 04508 — родственника Табулова Мухомина Ахмедовича, уроженца Черкесской авт. обл., аула Илбурга, среди воинских частей.

Achtung! Dienststellen! Zeitungsbestellung!

Die Zeitung dient dem Zweck, unsere Freiwilligen über die wichtigsten Ereignisse zu unterrichten. Die Zeitung muß daher schnellstmöglich dem Leser zugänglich gemacht werden. Die Dienststelle muß dazu beitragen, daß die Zeitung in ausreichender Stückzahl und ohne Verzögerung geliefert werden kann.

Anforderungen aus dem Frontgebiet sind an die Propaganda-Abschnittsoffiziere oder Stabsoffiziere für landeseigene Hilfskräfte bei den Heeresgruppen, aus dem Heimatkriegsgebiet, aus dem Gen.-Gouv., Holland, Norwegen und Dänemark an

OKW./WPr. IV C, Berlin SW 35, Margaretenstraße 16

zu richten. Der bisherige Feldpostversand wird ab 1. 9. 44 eingestellt. Von diesem Zeitpunkt an werden die Zeitungen für die Fronttruppen an die angegebenen Verteilerstellen (Prop. - Abschn. - Offiziere) usw. versandt, die für die weitere Verteilung sorgen.